

### III. СТРАТЕГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII НАЧАЛА XIX ВЕКА. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДИАЛОГИ: ДЕРЖАВИН, ЛЬВОВ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ

---

---

*Т.А.Алпатова*

*Москва, Московский государственный областной университет*

#### **Мотив «приобретения Крыма» в русской торжественной поэзии XVIII столетия: потенциал творческого поиска<sup>8</sup>**

В русскую поэзию XVIII столетия тема Крыма входит практически с момента присоединения полуострова к России, и формирование его поэтического образа оказалось связано с несколькими очень важными процессами, которые происходили в ту пору как в собственно литературной жизни, так и в российской культуре в целом. Мотив мирного присоединения Крыма к России был основой художественных размышлений поэтов, откликнувшихся на это событие, однако поиск художественного «языка» для его отражения вёлся очень интенсивно и даже драматично.

Осмысление произошедшего исторического события в литературе той поры, разумеется, было возможно в первую очередь в «высокой», одической поэзии – и таким образом «крымский текст» в момент своего рождения совпал с процессом развития русской оды, которая в середине 1780-х годов вступила в период реформирования. «Ломоносовская» ода, ставшая каноном высокого одического жанра в русской поэзии той поры, была разработана до мелочей; ее художественный язык, композиция, образный строй, ритмика и строфика оказались доведены почти до автоматизма, в результате чего произошла своеобразная «автоматизация» оды – живое поэтическое чувство словно бы «ушло» из ставших слишком привычными «высоких» словесных оборотов, сам порядок в чередовании которых стал слишком ожидаемым как для самих авторов, так и для их читателей. Позднее, в 1790-е годы, Н.М.Карамзин и поэты-карамзинисты в процессе реформирования жанровой системы лирики подвергнут данный канон переосмыслению. Так, над незадачливым поэтом-одописцем «ломоносовской школы» будет иронизировать И.И.Дмитриев, заставляя

---

<sup>8</sup> Работа выполнена по программе гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

своего героя в сатире «Чужой толк» сочинять оду (об этой из побед в русско-турецкой войне), словно складывая ее из готовых «блоков»:

Возьму ли, например, я оды на победы,  
Как покорили Крым, как в море гибли шведы;  
Все тут подробности сраженья нахожу,  
Где было, как, когда, — короче я скажу:  
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!

[Дмитриев 1967: 113]

В середине 1780-х годов избыточная условность «общих мест» одического жанра еще не осознавалась столь остро, над канонической одой еще не смеялись, но некая потребность в реформе ощущалась уже очень живо. Поэтическая тема «приобретения Крыма» оказалась сферой творческого поиска в рамках развития жанра – возможных путей трансформации «батальной» оды, представшей в неожиданном ракурсе в связи с мирным характером совершившегося воссоединения.

Наиболее существенные отклики на присоединение Крыма к России – появившиеся в 1784 г. стихотворения В.П.Петрова и Г.Р.Державина, а также фрагмент поэмы М.М.Хераскова «Владимир Возрожденный» (1785; в дальнейшем печаталась под названием «Владимир»). Они нечасто привлекали внимание исследователей. Наиболее значительной представляется культурологическая интерпретация этих произведений в работах В.Проскуриной [Проскурина 2006] и А.Зорина [Зорин 2004], где поэтическое осмысление крымской темы в стихах поэтов Екатерининского времени рассматривается в связи с выстраиванием мифопоэтического контекста для «греческого проекта» императрицы – то есть, в аспекте политической мифологии. Однако не менее важной представляется собственно литературная интерпретация: с крымской темой в высокую поэзию последней трети XVIII столетия входила новая топика, освоение которой в творчестве разных поэтов пошло различными путями – что, в конечном итоге, отвечало духу тогдашней литературой эпохи – движению от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания.

Первой в этом ряду можно рассматривать оду «На приобретение Крыма» Василия Петровича Петрова (1784). Место В.П.Петрова в литературной ситуации второй половины XVIII века не совсем обычно. Сама его фигура как литератора оказалась причиной раскола в оценках современников: с одной стороны, с легкой руки Екатерины Второй творческая

манера поэта сближалась с традицией М.В.Ломоносова, с другой же, в силу закрепившейся за Петровым репутации «карманного» стихотворца императрицы, оппозиционные двору писатели неизбежно стремились отделить его произведения от ломоносовских. В результате не только для современников, но и для позднейших его читателей и исследователей сложилась проблема: ореол литературной репутации Петрова мешал объективному взгляду на его творческое наследие, прежде всего на торжественную оду; ее оценка с точки зрения стилевых и жанровых традиций по сей день остается загадкой. Как справедливо пишет Н.Ю.Алексеева, «необычный социальный статус Петрова, по существу, единственного придворного поэта, его обособленность от современной ему литературной жизни, известная самостоятельность литературной позиции и, наконец, открыто враждебное отношение к нему современников принадлежат не только к фактам его биографии, но и к факторам его поэзии, вне которых ее феномен едва ли может быть правильно понят...» [Алексеева 2005: 276].

Разумеется, по масштабу дарования В.П.Петров не стал «Ломоносовым» Екатерининской эпохи. «Ломоносовское» в его оде – прежде всего барочно-классицистическая составляющая, связанная с определяющими чертами батальной и хвалебной оды [Иваницкий 2011: 116-118], «образец» которой создан в русской литературе Ломоносовым; репрезентативная установка, «восторг» как эмоциональная доминанта, предполагающая, что текст словно «складывается» на глазах читателя, что поэтическое слово представляет своего рода «стенограмму» чудесного преобразования поэта, способного «прозреть» истинную сущность вещей в момент, когда душа его отрывается от земли и парит в восторженном «священном безумии» [Алпатов 2014: 21-33].

Ода В.П.Петрова «На приобретение Крыма» в полной мере раскрывает эту проблему стиля<sup>9</sup>. Ода выстраивается согласно общепринятой для жанра композиционной схеме. Краткий эмоциональный «приступ» представляет сам творческий порыв, выступающий своеобразным текстопорождающим условием: «Умолкни ныне, вся вселена, // И ухо приклони в

---

<sup>9</sup> Н.Ю.Алексеева видит ее специфику в творчестве поэта в соединении различных стилевых пластов, «синтезе всех известных ему образцов высокого стиля», среди которых были не только «классические» оды зрелого Ломоносова, но и его ранние стихи, т.н. «школьные оды», следование традиции которых было тем более органично для Петрова, что он сам учился в Славяно-Греко-Латинской академии. «Если Ломоносов считал, что речь делает высокой вложенный в нее высокий смысл, то для Петрова высота речи определяется звучностью, трудностью почти каждого стиха. Речь превращается в самодовлеющий процесс» [Алексеева 2005: 285-287].

мой тон: // Мне правда свыше впечатленна; //Мя полнит сильный Аполлон» [Петров 2016: 151].

Подобное вступление характерно именно для высокой пиндарической оды, с характерным лирическим чувством восторга – причем восторг в тексте не просто описывается как эмоциональное состояние, он обретает возможности организовывать последующее словесное развертывание оды, становясь основой т.н. «лирического беспорядка»: охваченный восторгом поэт впадает в экстаз, словно бы во священное безумие, что определяет удивительную свободу ассоциативного соединения образов и картин – одическое парение [Погосян 1998].

«Крымский текст» в контексте одического парения XVIII века прежде всего – ожидаемо – встраивается в особую пространственно-временную структуру: обретенный пространственный локус воспринимается при этом как особая, поистине священная земля – в первую очередь благодаря запечатлевшейся в ней истории:

<...>

Так ты теперь Херсону страх?  
Так Ифигения в Тавриде  
И гроб сея царевны наш?  
И порт, отколе в древни веки  
Творили куплю хитры греки  
Во света дальние края?  
Сады в убранстве знаменитом,  
Благословенны нивы житом,  
Понт Черный и Кубань – твоя!..

[Петров 2016: 151]

Обозначенные в первом отклике обретенные ценности – античное культурно-историческое наследие, а также полнота и богатство – также довольно часто были предметом воспевания в оде; в данном случае своеобразие «крымской» оды можно видеть как раз в преобладании этих мотивов, и более всего – в «античных» ассоциациях, обретение которых было принципиально важным для культурно-политических перспектив «греческого проекта» Екатерины Второй. На уровне мотивной структуры оды это решается в своеобразной цепочке словесно-образного развертывания: «мирная победа» императрицы – преодоление многовекового турецкого владычества и освобождение Византии – и наконец, владычество Екатерины, которая понесет мир и покой вновь обретенным землям:

«А ты, монархиня, восстании, // Восстани и суди земли; //К тебе простерты види длани, //И жалобы людей внемли. <...> В порядке содержи вселенну. //Твоя всех видеть в счастье мзда...» [Петров 2016: 155].

Ода Петрова была попыткой восстановить «классический» тип высокой торжественной лирики, хотя, разумеется, автору не удалось выдержать стиливого единства и в оде довольно много неблагозвучных строк («да песнь царице здесь отрыгну...», «нам общник в оном быти рад...», «свет инак пойдет, как обык...» и т.п.). В ряде случаев такое неблагозвучие могло быть связано с традицией звуковой изобразительности, в свою очередь унаследованной от пиндарической оды в ее «каноническом» варианте, в которой система аллитераций, противопоставленная системе ассонансов, представляли, соответственно, грозную битву и прекрасный, желанный мир, за нею следующий. В данном случае своеобразие раскрытия этого мотива определялось идеей оды – воспеть мирное приобретение столь знаковой земли («Теперь тот самый Крым без брани // К стопам царицы русской пал...»):

Но ты без грозных брани тресков,  
Без молний, жрущих строи, блесков,  
Как тихий действуя зефир,  
Пленишь сурового соседа.  
О, коль чудна твоя победа!  
Коль славен по победе мир!

[Петров 2016: 151]

Победа Екатерины (а значит, и России) становится возможной вследствие духовных сил и духовной правоты – именно этот мотив определяет своеобразие «крымской» оды Петрова. Победившие не мечом, но добротой, мудростью, щедростью, духовным совершенством, Екатерина и Потемкин представляются в оде Петрова, соответственно, как идеальная правительница и мудрый военачальник, в которых воскресает древнее величие героев античности.

В несколько ином аспекте развивал эту тему М.М.Херасков. Поэма «Владимир Возрожденный» (1785; позднее печаталась под заглавием «Владимир»), по наблюдению В. Проскуриной, писалась в очевидной полемике с Петровым – хотя в данном случае имелась в виду не ода, а поэма – выполненное незадолго до этого Петровым стихотворное переложение первой песни «Энеиды» Вергилия – «Еней» (1770). Изображая в поэме поход Владимира на Византию и покорение Херсонеса, «Херасков

проводил прямые сближения с первой русско-турецкой войной и с последующим присоединением Крыма» [Проскурина 2006: 187].

Херасков находит возможность буквального включения в свою историческую поэму современных героев и событий, достигая таким образом своеобразной эпической полноты в изображении времени, объединяющем различные моменты в чудесное единство, скрепляемое «вечной», идеальной истиной – победа духовной силы и величия неизбежна. Изображаемая далекая эпоха в этом случае становится своеобразным «архетипом» всей последующей истории – именно поэтому Владимир уже в момент первого завоевания Херсонеса предвидит то, что будет через множество столетий. В последующих изданиях Херасков убирает непосредственные упоминания героев-современников, однако сохраняет мотив исторического пророчества, передавая его от героя к повествователю, который в этих строках словно бы вступает в своеобразную игру со своим читателем, причем предметом ее снова оказывается историческая аллюзия, укрепляющая чувство высшего, духовного единства славной истории России. «Точкой» ее осуществления и становится «Херсонес Таврический» – Крым – присутствие которого на карте России оказывается таким образом и исторической, и духовной неизбежностью.

Развитием темы «приобретения Крыма» как в духовно-культурном, так и в литературном смысле стала ода «На приобретение Крыма» (1784) Г.Р.Державина. Она была опубликована в журнале «Собеседник любителей русского слова» (1784. Ч. 11). В примечании, сопровождавшем первую публикацию, Державин специально обозначил культурно-исторический ассоциативный ореол, в который должна была вписываться его попытка писать белым стихом: «Господа издатели! Небезызвестно, что древние писали стихи свои без рифм, чему и новейшие лучшие авторы иностранные подражают. Для опыта, покажется ли и нашей почтенной публике сей образ на нашем языке стихотворства и можно ли продолжать оный, написана сия ода» [Державин 2002: 562].

Таким образом, формальный эксперимент, предпринятый в оде «На приобретение Крыма», может рассматриваться не только в ряду творческих нововведений Державина конца 1770-х – начала 1780-х гг., в совокупности ведущих к созданию обновленной оды, наиболее завершенным образцом которой стала «Фелица», но и как один из шагов к формированию «античного стиля», к оформлению облика т.н. «русской античности», в том виде, в каком она представлялась поэту в связи с вхождением в российское пространство культурно-исторически связанных с античностью крымских земель. Новизна творческой манеры Державина в этом

стихотворении реализовалась не только на уровне стиховой организации, и даже не только на уровне стиля, «общежительность» которого, как и в «Фелице», возникла благодаря органичному сочетанию в авторской стилистике элементов традиционно разделенных непроходимой стеной, существовавшей в системе классицизма между «высоким» и «низким» стилями: «...То воплощено божество, // Которое дождит блаженствы...», «Они вещали так любезным, // Повеся громы на стене...» [Державин 2002: 84-85]. Державинская ода «На приобретение Крыма» в глазах читателя-современника могла представлять собою словно бы несостоявшуюся батальную оду, в которой формальная перестройка оказалась связана и более общим формосодержательным планом. Многие черты и ее структуры, и образно-тематического «развертывания» раскрываются в противопоставлении оде М.В.Ломоносова «На взятие Хотина», в свою очередь ставшей на русской почве воплощением канонического жанрового образца.

Ода Державина начинается как бы «с полуслова», и таким образом разрушение традиционной одической композиции становится одним из приемов, с помощью которого передается необычная для батальной оды ситуация, когда мир следует не за военными действиями, а наступает как бы «вместо» ожидаемой войны – поражая не меньше, чем странное начало, предлагаемой Державиным в своей оде:

Летит! – и воздух озаряет,  
Как вешнее утро тихий понт,  
Летит! – и от его улыбки  
Живая радость по лучам,  
По рощам и полям лиется...

[Державин 2002: 84]

Вторая строфа оды («Пастух и земледелец в песнях // Средь хижин воспевают мир...») строится также с ориентацией на ломоносовскую оду, в которой образ счастливого земледельца был завершением, а отнюдь не началом оды (см. строфу XXVI «Пастух стада гоняет в луг...»).

Взаимодействие различных по своему жанрово-стилевому истоку начал в оде Державина присутствует и на уровне реализации античных мотивов: возникающие в ходе словесного развертывания оды Марс, Цирцея, Пифагор, Гомер ведут себя отнюдь не в традиции изображения подобных знаковых фигур, заданных коннотациями «высокого» и «одического»:

...Увидел Марс, – нахмурил брови,  
Скрежещет и кричит, ярьась:  
«Как?, – мир? – И без меня победы? –  
Я вас!»...

(с. 84-85)

Цирцея от досады воет,  
Волшебство все ее ничто <...>  
Осклабясь, Пифагор дивится,  
Что мнение его сбылося,  
Что зрит он преселенье душ:  
Гомер из стрекозы исходит  
И громогласным сладким пеньем  
Не баснь, – но истину поет...

[Державин 2002: 85]

«Странность» поведения персонажей исподволь приводит в оду едва ли не смеховое начало, что в целом соответствовало установке поэта на «забавный русский слог» – разумеется, если понимать «забавность» не в духе сатиры, но жизнеутверждения, особой энергии, живое биение которой проникает в одический текст, возвращая утраченные возможности воздействия на читателей.

Проведенные наблюдения позволяют проследить, каким образом в поэтических откликах «на приобретение Крыма» реализовывались наиболее существенные процессы развития русской лирической поэзии последней трети XVIII века. Крым стал для России не просто новой географической реальностью – связанные с ним культурно-исторические ассоциации практически сразу в сознании поэтов начали раскрываться как художественные возможности построения образа. Реализация этих возможностей и стала одним из направлений трансформации лирики, которое позднее будет подхвачено поэтами первых десятилетий XIX столетия.

### Литература

*Алексеева Н.Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII-XVIII веках / Н.Ю.Алексеева. – СПб.: Наука, 2005. – 369 с.

*Алтатова Т.А.* Репрезентация вдохновения как «священного безумия» в русской оде XVIII века и проблема самоосмысления творческого акта поэта / Т.А.Алтатова // *Формы времени и сумасшествия в литературе и искусстве. Монография под ред. Альдоны Борковской и Людмилы Мних / Colloquia Litteraria Sedlcensia. Vol. XVI. Siedlce, 2014. – S.21-33.*

*Державин Г.Р.* Сочинения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Г.Н.Ионина / Г.Р.Державин. – СПб.: Академический проект, 2002. – 712 с.

*Дмитриев И.И.* Полное собрание стихотворений / И.И.Дмитриев. – Л.: Советский писатель, 1967. – 504 с.

*Иваницкий А.И.* Море в поэтической модели мира М.В. Ломоносова (К вопросу о феномене барочного классицизма) / А.И.Иваницкий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». № 5 (59). Волгоград. Изд. ВГПУ. 2011. – С.116-118.

*Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.

*Петров В.П.* Оды. Письма в стихах. Разные стихотворения / В.П.Петров / Выбор Максима Амелина. – М.: Б.С.Г.-пресс, 2016. – 384 с.

*Погосян Е.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730-1762 годов: [Дис.]. Отделение русской и славянской филологии Тартусского университета, Тарту: Tartu Ulikooli kirjastus, 1998 [в:] <http://www.ruthenia.ru/document/534616.html>, режим доступа: 20.12.2012.

*Проскурина В.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II / В.Проскурина. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.

*Херасков М.* Владимир Возрожденный. Эпическая поэма / М.Херасков. – М.: Университетская типография у Н.Новикова, 1785. – 246 с.

***С.А.Васильев***

*Москва, Московский городской университет*

**«Державин, со временем переведенный, изумит Европу...»  
(А.С. Пушкин) (Недавние переводы поэзии Г.Р. Державина  
на английский язык для учебных целей)**

Г.Р. Державин – крупнейший русский поэт XVIII века, творчество которого является исключительно значимой частью отечественной литературы, имеющей несомненное мировое значение. А вопрос мирового значения и влияния, как известно, тесно связан характером и качеством переводов на основные иностранные языки, в частности, для решения образовательных задач. Центральное и особенно любимое автором произведение Державина – ода «Бог», действительно, получило мировую известность, причем ее начали переводить уже при жизни автора. Как отметил Г.А. Фролов, «В творчестве Г.Р. Державина и в истории русской литературы ода «Бог» занимает особое место не только потому, что это «первое русское произведение, которое стало достоянием всего мира»